

**Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»
(Выпуск II) № 20, 2026 (№ 431)**

**Стратегия Норвегии в области беспилотных авиационных
систем: последствия для безопасности в Арктике**

С.Н. Гриняев

***Аннотация.** Автор анализирует Стратегию Норвегии в области беспилотных авиационных систем для оборонного сектора, принятую в декабре 2025 года. Показано, что принятие документа вписывается в более широкий процесс военно-технологической трансформации НАТО в Арктике, включая задачу повышения боеготовности к высокоинтенсивным сценариям с горизонтом 2030 года. Стратегия обеспечивает институциональное оформление норвежского вклада в союзническую архитектуру наблюдения и сдерживания в Баренцевом регионе. В результате появляется комплекс долгосрочных рисков для стратегических интересов РФ в Арктике.*

***Ключевые слова:** Стратегия в области БАС, Норвегия, НАТО, Арктика, беспилотные авиационные системы, арктическая безопасность, Россия, Кольский полуостров, стратегическое планирование, милитаризация.*

Принятие в декабре 2025 года Стратегии Норвегии в области беспилотных авиационных систем (БАС) для оборонного сектора¹ (далее Стратегия) отражает последовательную трансформацию военно-технологической политики страны в русле курса НАТО на укрепление обороноспособности в Арктике. Документ появился в период, когда официальные представители альянса открыто называют 2030 год рубежом повышенных рисков потенциального конфликта на восточном фланге. Стратегия представляет собой

***Автор.** Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru*

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics22020265260> EDN: <https://www.elibrary.ru/PRDPSE>

Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

¹ Dronestrategi for forsvarssektoren: Strategi / Forsvarsdepartementet. Oslo: Regjeringen, 2025. 26 s. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/4ec7e7b860724ec48101205bc87698b0/no/pdfs/dronestrategi-for-forsvarssektoren.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).

инструмент операционализации арктической доктрины НАТО на национальном уровне, обеспечивающий институциональное оформление норвежского вклада в союзническую архитектуру наблюдения и сдерживания в Баренцевом регионе. Цель статьи – оценить Стратегию в контексте системы военного планирования Норвегии, опыта союзников по разработке аналогичных документов и формирующейся архитектуры беспилотного противостояния в Арктике.

Геостратегический контекст принятия Стратегии

Стратегия принята на фоне резкого роста значения беспилотных систем в военном планировании НАТО и ЕС, прежде всего на восточном фланге альянса. В 2025–2026 гг. страны «передовой дуги» от Балтики до Чёрного моря согласовали создание «стены дронов» (*Eastern Flank Watch / Drone Wall*)² – эшелонированной сети средств разведки, РЭБ и перехвата низколетящих беспилотных аппаратов, интегрированной в общую архитектуру ПВО/ПРО НАТО.

Параллельно идёт стремительная милитаризация европейского дронного кластера в интересах Украины и альянса в целом. Киев фактически превратился в испытательный полигон и центр компетенций НАТО по применению морских, воздушных и наземных беспилотников, экспортируя наработанные тактики, алгоритмы управления и решения по интеграции автономных платформ в общевойсковые операции. Особое внимание союзники уделяют морским беспилотным системам, чья высокая эффективность в Чёрном море продемонстрировала их способность наносить масштабный ущерб крупным надводным группировкам и транспортной инфраструктуре противника при минимальных затратах. Эти выводы напрямую влияют на оперативное планирование НАТО на северных морских направлениях, включая Баренцево и Норвежское моря.

На уровне оборонной промышленности фиксируется переход к серийному, а в ряде случаев и массовому производству беспилотных платформ и средств противодроновой борьбы в ключевых странах восточного фланга. Польша объявила о формировании «дронной армады»³, разворачивая совместно с Украиной и партнёрами по ЕС программы по созданию ударных, разведывательных и противодроновых систем, включая выпуск тысяч единиц недорогих перехватчиков в год. Германия, страны Прибалтики и Северной Европы вовлечены в кооперационные схемы по локализации украинских разработок, стимулируемые общеевропейскими инициативами по поддержке оборонной промышленности и созданию единого рынка дронов военного назначения.

² Höller, L. EU vows haste in 'drone wall' plan for eastern borders. DefenseNews. 29.09.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/09/29/eu-vows-haste-in-drone-wall-plan-for-eastern-borders/> (дата обращения: 15.05.2026).

³ Poland Announces «Drone Armada» as Russian Attacks Intensify on Odesa. NFP. 27.04.2026. URL: <https://streamlinefeed.co.ke/news/poland-announces-drone-armada-as-russian-attacks-intensify-on-odesa> (дата обращения: 15.05.2026).

В совокупности эти процессы формируют предпосылки для создания вдоль российских границ эшелонированной системы беспилотного мониторинга и, потенциально, воздействия, охватывающей арктическое и северо-западное направления, что в целом ухудшает военно-стратегическое положение России в Арктике и на северо-западном направлении. Оценка реального стратегического эффекта этих мер для России во многом зависит от темпов реализации программ, уровня оперативной интеграции и способности альянса преодолеть выявленные технологические и климатические ограничения. На этом фоне инициированный НАТО проект «Сценарии для учений и анализа в Высоком Севере» (*Winter Storm 2030*)⁴ нацелен на подготовку к 2029 г. аналитического доклада о возможных сценариях напряжённости в Арктике для нужд перспективного военного планирования. Сам факт таких учений и аналитических задач подтверждает, что НАТО рассматривает арктическое направление как зону повышенного внимания, хотя сроки и параметры ожидаемого конфликта в официальных документах не фиксируются. Норвежская Стратегия вписывается в эту нормативную волну, переводя декларативный курс на союзническую интеграцию в операционную плоскость.

Форсирование военной повестки происходит в условиях продолжения хозяйственного взаимодействия Норвегии с Россией в сфере промысла в Баренцевом море – крупнейшем в мире совместно управляемом рыболовном ресурсе⁵. Введённые в 2025 г. норвежские санкции против российских рыбопромышленных компаний обострили двусторонние противоречия – РФ квалифицировала их как угрозу полувековой системе сотрудничества. Это наглядно демонстрирует, как секьюритизация Арктики разрушает институциональные амортизаторы, прежде смягчавшие военно-политическую напряжённость.

Глава норвежских вооружённых сил генерал Эйрик Кристофферсен в феврале 2026 г. заявил, что Осло «не исключает возможного захвата территории Россией»⁶ с целью защиты её ядерного потенциала на Кольском полуострове – именно этот сценарий норвежская армия готовится отразить. По его словам, «Россия потратит время на восстановление – это время мы должны использовать для укрепления обороны»⁷. Правительство Норвегии издало директиву всем 357 муниципалитетам страны обновить кризисные планы и готовиться к войне, провозгласив 2026 год «Годом тотальной обороны» (*Totalforsvarsåret*)⁸.

⁴ Gosselin-Malo E. «NATO to study what-if scenarios that could cause Arctic conflict with Russia». DefenseNews. 09.03.2026. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2026/03/09/nato-to-study-what-if-scenarios-that-could-cause-arctic-conflict-with-russia/> (дата обращения: 08.05.2026).

⁵ Evans G., Østhagen A. In Hot Water: Arctic Fisheries as a Proxy for Geopolitical Tensions. RUSI. 11.07.2023. URL: <https://www.rusi.orghttps://www.rusi.org> (дата обращения: 23.05.2026).

⁶ Walker, S. Norway defence chief says Russia could invade to protect nuclear assets. The Guardian. 10.02.2026. 10 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/feb/10/norway-defence-chief-russia-nuclear-assets> (дата обращения: 23.05.2026).

⁷ Там же.

⁸ Total Defence Year 2026. SovereignSky. URL: <https://sovereignsky.no/totalforsvarsaret/> (дата обращения: 23.05.2026).

Национальная стратегия безопасности Норвегии 2025 года прямо характеризует Россию как «агрессивную и непредсказуемую» страну, угрожающую норвежским интересам⁹.

Место Стратегии в системе документов стратегического планирования Норвегии

Система стратегического планирования норвежского оборонного сектора выстраивалась постепенно: с 2000-х гг. принято восемь долгосрочных планов, каждый из которых реагировал на меняющуюся обстановку. Принципиальный разрыв с предыдущей логикой произошёл в 2024 г.: Стортинг (парламент) впервые единогласно утвердил Долгосрочный план развития вооружённых сил Норвегии на 2025–2036 гг., предусматривающий выделение дополнительных 600 млрд норвежских крон на обеспечение обороны. В марте 2026 г. правительство объявило об увеличении этого финансового пакета ещё на 115 млрд крон, продлив период планирования до 2040 года¹⁰. Стратегия встроена непосредственно в эту рамку: как тематический документ второго уровня она конкретизирует приоритеты, обозначенные в Долгосрочном плане, применительно к сектору беспилотных систем.

Ранее, в марте 2025 г. Стортинг принял доклад о гражданском применении дронов¹¹, что создало двухуровневую нормативную конструкцию: военный компонент (оборонная стратегия) и военно-гражданский компонент (парламентский доклад), совместно охватывающие весь беспилотный сектор страны. Механизм реквизиции гражданских дронов и мобилизация специалистов, предусмотренный Стратегией, фактически придаёт гражданской отрасли статус мобилизационного резерва вооружённых сил.

Норвегия здесь следует опыту союзников, накопившемуся к 2024–2025 годам. Великобритания опубликовала *Defence Drone Strategy*¹² в феврале 2024 г., закрепив инвестиции в размере не менее 4,5 млрд фунтов на десятилетие и выдвинув задачу стать мировым лидером в сфере беспилотных оборонных систем. Документ прямо апеллирует к украинскому боевому опыту как к основному источнику доктринальных установок. США в декабре 2024 г. приняли Стратегию противодействия беспилотным системам¹³.

Таким образом, к концу 2025 г. в странах НАТО и партнёрских государствах сложилась устойчивая практика принятия специализированных стратегий в области БАС как

⁹ National Security Strategy. Office of the Prime Minister of Norway. URL: <https://www.regjeringen.no/en/documents/national-security-strategy/id3099304/> (дата обращения: 23.05.2026).

¹⁰ Norway to reach target of 3.5% of GDP on defence with new spending boost. ArcticToday. 27.03.2026. URL: <https://www.arctictoday.com/norway-to-reach-target-of-3-5-of-gdp-on-defence-with-new-spending-boost/> (дата обращения: 15.05.2026).

¹¹ Drones and Advanced Air Mobility: Report to the Storting (white paper) No. 15 (2024–2025). Regjeringen, 28.03.2025. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/e82bcf6923ee4c999c39cfe71ae1e74b/en-gb/pdfs/meld_st_15_20242025_eng.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

¹² Defence Drone Strategy – the UK’s approach to Defence Uncrewed Systems. UK Gov. 22.02.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/defence-drone-strategy-the-uks-approach-to-defence-uncrewed-systems> (дата обращения: 15.05.2026).

¹³ Brandi, V. New classified plan seeks to unify DOD’s approach for countering enemy drones. DefenseScoop. 04.12.2024. URL: <https://defensescoop.com/2024/12/05/classified-dod-counter-unmanned-systems-strategy-unify-approach-defeat-drones/> (дата обращения: 15.05.2026).

инструментов доктринального оформления военно-технологического сдвига, ускоренного конфликтом на Украине. Норвежская Стратегия – часть этого процесса. Её реализация происходит в одном из наиболее чувствительных для России географических районов – на границах с Кольским полуостровом.

Структура Стратегии и её ключевые элементы

Стратегия выстроена вокруг четырёх приоритетов: противодействие дронам, развитие технологий и концепций применения БАС, взаимодействие с гражданским сектором и союзниками, долгосрочные инвестиции в компетенции. Внутреннее содержание документа раскрывает наступательный подтекст, выходящий за рамки декларируемой оборонительной функции. Стратегия принята на фоне продолжающихся внутриполитических дебатов о границах военного сотрудничества с НАТО^{14,15}. Норвегия традиционно придерживалась политики самоограничений (*basepolitikk*). Вместе с тем, академические и экспертные круги (в частности, исследователи Университета Ставангера и *PRIO*) ставят под сомнение логику «чем больше расходов, тем выше безопасность»¹⁶, указывая на риски неэффективного освоения оборонного бюджета и вытеснения средств из социальной сферы. Этот дискурс пока не влияет на принятие решений, однако формирует внутреннее интеллектуальное давление на курс форсированной милитаризации. Долгосрочный план обороны, в рамках которого принята Стратегия, утверждён Стортингом единогласно, что свидетельствует о консенсусе по общим вопросам безопасности. Однако это не означает отсутствия критики по отдельным аспектам, включая риски для двустороннего сотрудничества с РФ в вопросах рыболовства и арктического природопользования. Партия социалистов – Левые (SV) и «Зелёные» – использовали бюджетные переговоры 2025–2026 гг. для давления на правительство, демонстрируя пределы консенсуса: их поддержка оборонного курса обусловлена социальными уступками, а не идеологической солидарностью¹⁷. При ухудшении экономической конъюнктуры коалиционная база нынешней оборонной стратегии может оказаться более хрупкой, чем представляется по итогам единогласного голосования.

В части ударных возможностей Стратегия закрепляет использование беспилотных систем непосредственно в качестве оружия, формирование потенциала нанесения ударов в условиях активного радиоэлектронного противодействия, а также развитие средств РЭБ применительно к задачам борьбы с БАС противника. Особо выделяется цель развёртывания

¹⁴ Norsk basepolitikk må endres. FRP. 30.04.2022. URL: <https://www.frp.no/nyheter/norsk-basepolitikk-ma-endres> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁵ Wergeland I., Strained alliances in Norwegian politics. Links. 18.07.2023. URL: <https://links.org.au/node/6412> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁶ Engen O.A., Kvasdheim O., Sandvik K.B. More money, more security? Norwegian Defense spending and the need to rethink the tempo of rearmament. PRIO. 30.10.2025. URL: <https://www.prio.org/comments/1828> (дата обращения: 23.05.2026).

¹⁷ The Labour government in difficult Norwegian budget negotiations. Samfunnopolitikk. 28.11.2025. URL: <https://samfunnopolitikk.no/en/norwegian-politics/norwegian-budget-negotiations-will-not-cause-government-crisis> (дата обращения: 23.05.2026).

ударных FPV-дронов в значительном количестве. По задачам наблюдения Стратегия устанавливает приоритет мониторинга подводной инфраструктуры, морского пространства и критически важных объектов, прозрачно указывая на районы оперирования Северного флота РФ и маршруты выхода подводных лодок через Фареро-Исландский рубеж противолодочной обороны.

Институциональное обеспечение предусматривает создание центральной координирующей структуры в оборонном секторе, а также формирование до 17 новых ограничительных зон в воздушном пространстве страны для испытаний и учений с применением БАС. Институт оборонных исследований Норвегии в июне 2025 г. получил аккредитацию по разработке военных БАС с правом самостоятельного тестирования без внешнего согласования, что создало национальный инновационный конвейер закрытого цикла. Стратегия особо оговаривает необходимость правовой экспертизы новых систем в соответствии со статьёй 36 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, что свидетельствует об институциональной готовности к внедрению систем с высокой степенью автономии.

Норвежско-украинское соглашение о совместном производстве БАС, подписанное 30 ноября 2025 г., фактически служит одним из операционных инструментов реализации Стратегии: Украина передаёт интеллектуальную собственность и боевой опыт применения беспилотников в условиях противодействия российским системам подавления, а Норвегия обеспечивает промышленную инфраструктуру и научное сопровождение. Производственная линия, создаваемая на норвежской территории, остаётся в распоряжении норвежского государства вне зависимости от хода украинского конфликта.

Стратегия открыто признаёт внутренние ограничения, влияющие на её военный потенциал. Так, климатические ограничения носят не временный, а системный характер: оперативная доступность малых БАС в зимних арктических условиях снижается до 40–60% из-за обледенения; большинство коммерческих платформ, на которые ориентирована мобилизационная компонента Стратегии, не сертифицированы для полётов при температуре ниже -20°C. Технологическая зависимость от китайских компонентов названа критической уязвимостью, но механизмы замещения в документе не предусмотрены; с учётом нынешней глобальной структуры рынка электронных компонентов их полная замена в среднесрочной перспективе представляется нереалистичной.

Кадровый дефицит – еще один системный ограничитель: Норвегия располагает узким рынком специалистов в области автономных систем, а конкуренция за кадры с гражданским технологическим сектором и другими союзниками по НАТО неизбежно замедлит развёртывание. Финансовая устойчивость программы, несмотря на беспрецедентное увеличение оборонного бюджета, также условна: Долгосрочный план до 2040 г. финансируется в условиях предполагаемого снижения нефтегазовых доходов в 2030-х гг. и нарастающего демографического давления на систему социального страхования. Вместе эти ограничения означают, что «сплошная» система беспилотного контроля в Баренцевом регионе – скорее, декларируемая цель, нежели гарантированный результат реализации Стратегии.

Угрозы и вызовы для России

Нарастающая интеграция норвежских беспилотных возможностей в архитектуру наблюдения НАТО в Арктике создаёт предпосылки для расширения охвата мониторинга оперативной деятельности Северного флота РФ. Концепция «сдерживания через обнаружение»¹⁸, последовательно реализуемая НАТО, предполагает, что устойчивый мониторинг районов развёртывания подводных лодок осложняет их скрытное оперативное маневрирование и сужает диапазон тактических возможностей командования флотом. Для России это означает необходимость выделения дополнительных ресурсов на обеспечение скрытности действий стратегических сил, усиление мер радиоэлектронного противодействия и расширение зон патрулирования, что в совокупности повышает нагрузку на систему обеспечения боевой устойчивости Северного флота.

Создание норвежско-украинской производственной инфраструктуры на территории государства НАТО с общей границей с РФ несет в себе прямую угрозу для безопасности России. Производимые системы разрабатываются с учётом боевого опыта противодействия российским средствам радиоэлектронной борьбы и перехвата, что превращает это предприятие в инструмент целенаправленного преодоления российских систем ПВО.

Стратегия закрепляет обязательную правовую экспертизу новых систем, что формально свидетельствует о приверженности нормам международного гуманитарного права. Однако темп развития беспилотных систем объективно опережает существующее регулирование, и декларируемые правовые гарантии не устраняют рисков неконтролируемой эскалации при применении автономных ударных систем в зонах, граничащих с российской территорией.

Стратегия – структурный элемент более масштабного процесса. Параллельно с ней формируется британская инициатива «Северный морской союз» (*Northern Navies Initiative*)¹⁹, операция НАТО *Arctic Sentry*, реформа командной структуры альянса с передачей Великобритании командования в Норфолке и расширение кластера фрегатов типа 26 с включением Норвегии. Совокупность этих инициатив формирует качественно новую архитектуру союзнического присутствия в Арктике, заслуживающую серьёзного внимания. Реализация всех перечисленных в Стратегии мер сопряжена с существенными финансовыми, технологическими и координационными рисками. Особого внимания заслуживают следующие из них: нарастающее демографическое давление на систему социального страхования при прогнозируемом снижении нефтегазовых доходов в 2030-х гг., институциональные противоречия внутри ЕС/НАТО при распределении бремени дроновой программы, трансатлантическая неопределённость, прямо зафиксированная в

¹⁸ Calil, Tom. The Observer Effect: Deterrence through Detection – Using Perspective in Grey-Zone Disputes. SSRN. 10.10. 2021. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4024848> (дата обращения: 19.05.2026).

¹⁹ Гриняев С.Н. «Северный морской союз» Великобритании: замысел, архитектура и последствия для безопасности РФ // Аналитические записки ИЕ РАН. 2026, №17 (428), С. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21720262735>. EDN: <https://www.elibrary.ru/CLJYVE>.

норвежской Стратегии национальной безопасности 2025 года (внутри альянса нет единства по распределению нагрузки, приоритетов и темпов наращивания потенциала).

Необходимо принимать во внимание и устойчивую асимметрию восприятия внутри самой Норвегии: население приграничных районов Финнмарка (прежде всего, Киркенеса) исторически демонстрирует значительно более прагматичное отношение к России, нежели политические элиты Осло²⁰. Многовековые торговые, промысловые и гуманитарные связи формируют социальную базу, в которой усиление военного присутствия НАТО воспринимается неоднозначно. Разрыв между официальным курсом Осло и настроениями севера – уязвимое место Стратегии Норвегии, чей оборонный консенсус более хрупок на периферии, чем в столице.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать выводы, значимые для оценки Стратегии с точки зрения интересов РФ.

Стратегия не является изолированным оборонным документом. Это инструмент реализации притязаний Норвегии на лидерство на северном фланге НАТО, что закреплено в Национальной стратегии безопасности 2025 года. Осло целенаправленно позиционирует себя в роли ключевого поставщика возможностей для союзнической архитектуры наблюдения и сдерживания в Баренцевом регионе. Именно в этом качестве скандинавская страна встраивается в декларируемый НАТО курс на повышение боеготовности к горизонту 2030 года.

Осло последовательно монетизирует своё географическое и политическое положение: принятие Стратегии, подкреплённое беспрецедентным единогласным решением Стортинга по Долгосрочному плану 2025–2036 и последующим наращиванием финансирования в 2026 г., говорит о том, что ставка на доминирование в Арктике – это устойчивый межпартийный курс, а не конъюнктурное решение. Заявления командования вооружённых сил о неизбежности противостояния с РФ, провозглашение «Года тотальной обороны», прямая характеристика России как «агрессивного и непредсказуемого» государства в официальных доктринальных документах, – всё это означает, что нейтрализация российского военного потенциала на Кольском полуострове возведена Осло в ранг стратегического приоритета.

Закрепление ударных возможностей, систем РЭБ и потенциала нанесения ударов в условиях активного противодействия, в совокупности с норвежско-украинским производственным партнёрством, направленным на преодоление российских систем ПВО и РЭБ, очевидно придаёт норвежской беспилотной программе наступательный характер.

²⁰ Osen D. Finnmark's Cognitive Bias Towards Russia, Norway's Historical 'Ally'. Stratagem. 13.03.2026. URL: <https://www.stratagem.no/finnmarks-cognitive-bias-towards-russia-norways-historical-ally/> (дата обращения: 23.05.2026).

Это означает формирование на флангах РФ инфраструктуры целенаправленного воздействия на её стратегические объекты.

Структурные ограничения программы – технологическая зависимость от китайских компонентов, климатические барьеры, кадровый дефицит и долгосрочные бюджетные риски – образуют временное окно, в котором Россия сохраняет возможность для асимметричного противодействия и дипломатического давления. Это окно сужается: в средне- и долгосрочной перспективе последовательная реализация Стратегии в связке с *Northern Navies Initiative*, *Arctic Sentry* и реструктуризацией командной архитектуры НАТО на севере создаёт качественно новую нагрузку на систему боевой устойчивости Северного флота РФ и обороны стратегических объектов Кольского полуострова.

Опыт союзников подтверждает системный характер тенденции: специализированные стратегии в области БАС приняты Великобританией и США, аналогичные документы разрабатываются большинством государств НАТО. Беспилотное противостояние в Арктике приобретает институциональное измерение, что требует от России не ответных, а упреждающих мер – как в технологической сфере, так и в области нормативно-правового регулирования применения автономных систем в пограничных районах.

Дата выпуска: 27 мая 2026 года.

Norway's strategy in the field of unmanned aircraft systems: implications for security in the Arctic

Author: Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences).
Address: 11-3 Mokhovaya Street, 125009 Moscow, Russia. *E-mail:* sgreen@csef.ru

Abstract. *The author analyzes Norway's Strategy in the field of unmanned aircraft systems for the defense sector, adopted in December 2025. It is demonstrated that adoption of the document fits into the broader process of NATO's military-technological transformation in the Arctic, including the declared task of the allies to increase combat readiness for high-intensity scenarios by the horizon of 2030. The Strategy provides an institutional framework for the Norwegian contribution to the allied surveillance and deterrence architecture in the Barents region, which creates a set of long-term risks for the strategic interests of the Russian Federation in the Arctic.*

Keywords: *UAS Strategy, Norway, NATO, Arctic, unmanned aerial systems, Arctic security, Russia, Kola Peninsula, strategic planning, militarization.*

<http://www.zapiski-ieran.ru>

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics22020265260> EDN: <https://www.elibrary.ru/PRDPSE>

Release date: May 27, 2026.